

Содержание

ГЛАВА I

1. Необходимые соотношения между изучением политических доктрин и политических институтов 11

ГЛАВА II

2. Первые человеческие общества 14

ГЛАВА III

3. Великие империи Востока 17
4. Политические доктрины народов Востока 23

ГЛАВА IV

5. Политические институты античной Греции 31
6. Первые политические доктрины античной Греции 38
7. Политические доктрины Платона и Аристотеля 44
8. Обзор поздних политических теорий Греции 54

ГЛАВА V

9. Институты и политические доктрины античного Рима 58
10. Заметки о причинах крушения Римской империи и распада античной цивилизации 65

ГЛАВА VI

11. Средние века. Хронологические рамки рассмотрения средневековой мысли и обзор ее главных характеристик. 71
12. Средневековая политическая мысль до XI в. 73

ГЛАВА VII

13. Политические доктрины в период второй фазы борьбы между папством и Империей. Коммуны и Синьории 80
14. Продолжение борьбы между Церковью и Государством. Данте Алигьери, Марсилий Падуанский и Уильям Оккам. 87

ГЛАВА VIII

15. Политические писатели второй половины XIV и XV в. 92
16. Политические условия в Западной Европе и в особенности в Италии в конце XV в. 95

ГЛАВА IX

17. Флоренция в XIV и XV в. Публичная жизнь Никколо Макиавелли 101
18. Обобщенное и критическое изложение «Государя» 109
19. Политические писатели XVI в. Гвиччардини и практические макиавеллисты. 121

ГЛАВА X

20. Томас Мор и коммунистические движения в Германии в XVI в. 129
21. Джироламо Вида. Монархомахи. Боден и Ботеро 136
22. Кампанелла, Парута, Боккалини и Гроций 142

ГЛАВА XI

23. «Великая Хартия вольностей» и разработка английской конституции до прихода Стюартов 149
24. Первые Стюарты и диктатура Кромвеля 160
25. Конституционная история Англии при последних Стюартах и Вильгельме Оранском 168
26. Парламентское правительство и конституционные реформы в Великобритании в XVII—XIX вв. 176
27. Английские политические писатели XVIII в. и Бенедикт Спиноза 182

ГЛАВА XII

28. Боссюэ, Фенелон, Вобан, Сен-Пьер, Д'Аржансон, Буленвилье. Заметки о Франции XVIII в. Первые французские писатели этого века. 190
29. Монтескье. Вико. 194

ГЛАВА XIII

30. Жан-Жак Руссо. 200
31. Социалистические писатели конца XVIII в. Грахх Бабёф и «Заговор равных». Оппозиционные писатели времени Великой французской революции. 211
32. Шарль Фурье, Роберт Оуэн, Анри де Сен-Симон и сенсимонизм. 218
33. Французские писатели-социалисты первой половины XIX в. и первые писатели-анархисты 228

ГЛАВА XIV

34. Итальянские писатели патриотического направления. 237

ГЛАВА XV

35. Токвиль, Конт и Герберт Спенсер. 245

ГЛАВА XVI

36. Первые немецкие писатели-социалисты и Фердинанд Лассаль 253

ГЛАВА XVII

37. Карл Маркс, «Капитал» и исторический материализм 261
38. Генри Джордж и Жорж Сорель 275

ГЛАВА XVIII

39. Доктрина «сверхчеловека» и расовые теории 281

ГЛАВА XIX

40. Расовые теории	298
Гаэтано Моска как родоначальник теории политического класса и один из основателей элитологии	311
Указатель имен	318

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Только что увидевшая свет книга представляет собой сокращенное и одновременно обобщающее изложение лекций по истории институтов и политических доктрин, которые с небольшими изменениями я читал на протяжении восьми лет в Римском университете. Лекции начинались с краткого изложения самых древних этапов политической мысли, а затем, обозревая различные исторические эпохи, я переходил к современным доктринам, которыми вдохновлялись люди в конце XIX в. и вдохновляются в начале XX в.

Естественно, с учетом широты рассматриваемого предмета не было возможности дать полное и детально точное освещение всех его частей, всех мыслителей, в течение столь длительного периода занимавшихся исследованием политических проблем. Поэтому я старался привлечь внимание студентов преимущественно к идеям тех авторов, которые, как Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Макиавелли, Руссо и Маркс, лучше других выразили идеи тех исторических периодов, когда они жили и работали, и рассказать о влиянии, которое они оказали на своих современников и последователей.

Сегодня нередки монографии, посвященные политическим писателям той или иной эпохи или особенностям, а иногда и странностям их оригинального вклада. Полезность такого рода работ, разумеется, не подлежит сомнению, но, поставленный перед необходимостью преподавать данную дисциплину молодым людям, не обладающим достаточной подготовкой, я посчитал предпочтительным дидактически изложить им главную, хотя и обобщенную идею, свойственную всем периодам, через которые проходит развитие политической мысли и одновременно политических институтов.

Мой долг не был бы исполнен до конца, если бы, заканчивая это краткое предисловие, я не воздал должное трудам моего помощника доктора Леонардо Донато, с большим знанием дела и весьма разумно собравшего мои лекции и с большой ответственностью курировавшего их издание.

Гаэтано Моска.
Рим, июнь 1933 г.

Глава I

1. НЕОБХОДИМЫЕ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИЗУЧЕНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

В каждом человеческом обществе, достигшем определенной ступени культуры, различаются два рода сил, обеспечивающих его консолидацию. Силы первого рода олицетворяют идентичность, или тождество, определенных фундаментальных идей, чувств тех людей, которые составляют данное политическое сообщество, например религиозную общность, осознание принадлежности именно к этому народу, отличному от других, верность династическим традициям. Силы второго рода представлены иерархиями функционеров, которые располагают необходимыми средствами принуждения, умеют руководить действиями масс в достижении целей, желаемых иногда самими массами, но в любом случае соответствующих воззрениям руководящего класса.

Почти всегда случается так, когда народ достиг достаточно высокого интеллектуального уровня, что материальные силы стараются оправдать свои действия, опираясь на поддержку по крайней мере какой-то части интеллектуальных и моральных сил, в то время как последние, в свою очередь, стремятся почти всегда завоевать власть, чтобы практически построить тот тип политической организации, достижение которой они провозгласили своей целью.

Наряду с иерархиями, которые материально и морально руководят обществом, формируется то, что сегодня, по крайней мере в Италии, начинают широко определять как *политический класс*, а доктрины и верования, образующие моральную основу власти руководителей, называют *политической формулой*.

Необходимо, чтобы политическая формула была идентична степени интеллектуальной зрелости, чувствам и верованиям, преимущественно разделяемым данным народом

в данное время, и вместе с тем она должна соответствовать тому, как сформирован и организован руководящий класс у данного народа в данную эпоху. Например, политический класс, который, обосновывая свою власть, делает акцент на проявления божественной воли, должен быть сформирован и организован по-иному, чем политический класс, который основал свою власть с учетом, предполагаемым или фактическим, народной воли. А потому со сменой оформления и организации политического класса меняется и политическая формула. Однако, модифицируясь, она, в свою очередь, видоизменяет и политический класс.

Указанное действие мысли на политический факт, а факта на мысль объясняет то, почему невозможно изучать историю политических доктрин в отрыве от истории политических институтов. Мы не сможем хорошо осознать ту или иную доктрину, игнорируя тот тип политической организации, которому она соответствует с целью либо его защиты, либо его свержения. Иными словами, без точного знания политической организации данной эпохи и данного народа вряд ли достижимо точное знание тех доктрин, которые у этой общности сформировались.

Как политическую мысль, так и политические институты более или менее отдаленных эпох мы можем познать, изучая прошлое тех народов, которые имели или имеют то, что в общем плане называют *цивилизацией*, и которые, таким образом, заняли свое место в истории человечества. Еще и сейчас широко распространено представление, что история едва ли может снабдить нас чем-то иным, кроме недостоверных данных и неопределенных понятий и, поистине, до тех пор, пока история ограничивается повествованием о героических свершениях тех или иных персонажей, политических или военных предводителей народов, нельзя отрицать, что господствующее верование имеет какое-либо основание. Это происходит потому, что достаточно трудно, даже современникам, дать точную оценку действий людей, представляющих эпоху, мотивов, побудивших к таким действиям, препятствий, которые они преодолели. Верно и то, что из-за бесконечного разнообразия и сложности человеческих событий

почти никогда не удастся найти две совершенно одинаковые ситуации, чтобы хронологически предшествующая могла прояснить ситуацию последующую. Но существуют исторические эпизоды, способные дать вполне определенные данные, и именно они представляют наибольший интерес для исследования политической науки.

Действительно, мы можем с помощью дошедших до нас документов, книг, кодексов, записей и памятников культур прошлых эпох реконструировать достаточно точно мысли людей, живших две или три тысячи лет до нас, и функционирование институтов, ими управлявших. А благодаря знанию ментальности, законов, привычек и нравов людей, сформировавших цивилизации, предшествующие нашей, мы можем проследить причины, по которым нации и политические институты, некогда процветавшие, оказались в упадке, переродились и даже прекратили свое существование.

Глава II

2. ПЕРВЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА

Человек появился на Земле по крайней мере сто тысяч лет назад, но наиболее древние из документов и памятников относятся к пятому или шестому тысячелетию до н.э. Именно с этого рубежа начинается исторический период, отталкиваясь от которого можно изучать развитие политической мысли и политических институтов.

Для того чтобы достигнуть некоей ступени культуры, создать то, что сейчас повсеместно называют цивилизацией, необходимо было, естественно, первым делом установить законы общественной морали, накопить и передать последующим поколениям определенный опыт и знания, собрать первые состояния в виде одомашненных животных, инвентаря и сельскохозяйственных орудий. Все это стало возможным, когда многочисленные человеческие группы соединились в единое, политически организованное сообщество благодаря осознанному и неосознанному сотрудничеству индивидов, составляющих данное единство.

Но уже задолго до возникновения первых цивилизаций человек не жил абсолютно изолированно, не имея стабильных отношений с себе подобными. Эмбрион человеческого общества отнюдь не является немислимым в жизни человеческого рода, и это было ясно подчеркнуто Аристотелем, определившим человека как животное политическое, т.е. склонное к социальному образу жизни. Впрочем, социальный инстинкт является феноменом, присущим многим видам животных. Примеры тому можно найти у насекомых: пчел, муравьев, а также млекопитающих: обезьян, бобров, большей части травоядных, которые живут в диком состоянии более или менее многочисленными группами.

В наиболее отдаленных частях Океании, Африки, Америки до сих пор обитают человеческие группы, которые можно охарактеризовать как примитивные общества. Например,

в Австралии, где еще сохранились аборигены, они до сих пор формируют сообщества численностью в несколько сот человек, занимающихся охотой, рыболовством и собиранием плодов, которые приносит земля.

В конце прошлого века возникла целая школа теоретиков во главе с Гербертом Спенсером, которая посчитала возможным в ходе изучения примитивных политических организмов вывести законы, регулирующие деятельность более развитых институтов. Мы полагаем, что подобный метод не обеспечивает подлинно научных результатов, поскольку в противном случае можно было бы изучать анатомию и физиологию высших животных, например человека или какого-либо млекопитающего, взяв за образец животное низшее, органы которого еще не вполне четко дифференцировались, как это свойственно полипу.

Действительно, в *орде* трудно найти начало подлинной политической организации, хотя в каждой орде существует глава — наиболее сильный мужчина или наиболее удачливый охотник, старейшины обоего пола, к советам которых обращались в трудные моменты. Но в любом случае речь шла о влиянии сугубо персональном, сохранявшемся до тех пор, пока этот человек был способен объяснить ситуацию.

Если дикая фауна располагала животными, которых можно было приручить, если человек находил растения, пригодные для выращивания, и, возможно, если люди имели большой потенциал развития, орда становилась более многочисленной и постепенно трансформировалась в *племя*, в человеческое сообщество, насчитывавшее несколько тысяч человек. Мы можем констатировать наличие уже в племени первых элементов иерархии и политической организации.

Фактически в каждом племени был глава, высший начальник, выступавший вождем, военачальником во время войны и осуществлявший правосудие в соответствии с нормами обычного права во время мира. Вместе с тем в сложных случаях он должен был консультироваться с именитыми соплеменниками — главами наиболее многочисленных и влиятельных семей. В еще более сложных случаях он созывал собрание всех свободных мужчин, составлявших племя,

которое, когда еще не существовало мировой религии, как христианство или ислам, по общему правилу признавало того или иного бога своим защитником. Кроме того, подлинная или предполагаемая общность крови или общность происхождения всех соплеменников от одного и того же предка и до сих пор во многих местах являются моральными узами, сплачивающими всех членов одного племени.

Когда в той или иной части света в наиболее благоприятных естественных условиях племя переходило от кочевой жизни к оседлости, а скотоводство в известной мере отделилось от земледелия и последнее приобрело постоянный характер, население возросло и достигло существенной плотности, именно тогда появился *примитивный город*. Этот тип человеческого консорциума оставил нам памятники и наиболее древние документы своей интеллектуальной и материальной деятельности. Как в племени, так и в примитивном городе помимо свободных людей мы всегда находим рабов и почти всегда третий класс людей, не являющихся рабами, но они не рассматриваются в качестве членов консорциума политического, потому что происходят от получивших свободу рабов или от постоянно проживающих там иностранцев, по тем или иным причинам покинувших племя или город, к которому изначально принадлежали. Иногда члены данного последнего класса могли быть допущены и приняты в состав племени с помощью более или менее сложных процедур, среди которых чаще всего было и иногда остается символическое кровосмешение с тем или иным общинником.

Глава III

3. Великие империи Востока

Незадолго до начала третьего тысячелетия конституируются первые значительные политические организмы, собирающие под единым руководством обширные пространства и многочисленное население, которое может насчитывать и превышать миллион человек. Это происходит в том случае, когда у города появляются возможности подчинить другие города и приобрести могущество империи.

Некоторые современные писатели, такие, как француз Де Гобино, а в последнее время немец Освальд Шпенглер, дали некий перечень различных очагов культуры, возникших в мире и ставших современниками зарождения больших политических организмов. Но данный перечень с большой натяжкой можно считать точным в силу разных причин, и среди прочего потому, что довольно затруднительно определить, является ли данная цивилизация вполне оригинальной или же она получила элементы и инструменты культуры ранее существовавшей. Во всяком случае, представляется, что наиболее древними большими человеческими агрегатами выступают те, что сформировались в Нижней Месопотамии, омываемой водами Евфрата и Тигра, и в Египте, омываемом Нилом. Хотя самые последние открытия указывают на то, что древней цивилизации Месопотамии предшествовала еще более древняя цивилизация, берущая свое начало в Эламе — горном районе, расположенном на северо-восток от Нижней Месопотамии¹.

Так или иначе ясно, что в Египте и Нижней Месопотамии, *или в стране, населенной двумя народами — шумерами и аккадцами, говорившими на разных языках*, существовали

¹ Последние открытия установили, что цивилизация, значительно более древняя, предшествовала вторжению ариев. Она существовала в долинах Инда и его притоков, и эти долины, как в Месопотамии и Египте, были орошаемыми равнинами.

естественные условия, наиболее благоприятные для образования больших государств. Обе местности представляли собой равнины, не разделенные естественными препятствиями, с общей системой ирригации, необходимость регулярного функционирования которой требовала единого центра власти. Геродот еще до Ксенофонта отметил, что это единство было необходимо для распределения воды с общей максимально возможной выгодой.

Установлено, что Египет достиг своего единства при фараоне Мине Митанни около третьего тысячелетия до н.э. Но уже раньше равнины нижнего течения Нила отличались известной степенью культуры: именно там начиналось распределение вод реки, которой была обязана своим плодородием почва. Тогда же была изобретена, если не усовершенствована, иероглифическая письменность. В Месопотамии царь Урук около 2800 г. до н.э. подчинил все остальные города низовьев Евфрата и Тигра, а почти век спустя Саргон (Шарукен), прозванный Древним, царь аккадцев, подчинив всю Нижнюю Месопотамию, продвинулся вплоть до Сирии, создал державу, которая хотя и просуществовала менее ста лет, но простиралась от Персидского залива до Средиземноморья.

Другие сильные государства возникли на юго-востоке Азии позднее тех, что появились в Нижней Месопотамии и Египте. К северу от Вавилонии помимо Ассирии во втором тысячелетии до Рождества Христова функционировали государства Митанни и хеттов, первое из которых распространилось в Северной Месопотамии, а второе — в Северной Сирии. В Индии достаточно обширные государства сформировали в то же время арии, вторгнувшись туда и найдя там более раннюю цивилизацию. Вероятно, в ту же эпоху другие важные человеческие сообщества, создавшие хотя бы частично свои собственные цивилизации, политически организовались в Центральном и Северо-Восточном Китае. Хотя в Китае при жизни Конфуция, т.е. в VI—V вв. до н.э., народы, представлявшие китайскую цивилизацию, были разделены на различные локальные государства.

Империи Востока имели некоторые общие черты, а другие варьировались, отличаясь одна от другой; различались и от-

дельные этапы развития одной и той же империи, поэтому их претензии на неподвижность в значительной степени кажущиеся. Наиболее же общей чертой являлось перераспределение управленческих функций из мест, где они рождались и откуда проистекали, в места, где они осуществлялись. Поэтому местный правитель был одновременно военным предводителем, высшим судьей и сборщиком налогов. Вследствие соединения полномочий в одном лице в отдаленных провинциях местный руководитель становился часто независимым от центральных властей, превращая свою должность в наследственную. В текстах египетских источников описано множество примеров постоянной борьбы между центральными властями и наместниками. Другие свидетельства мы обнаруживаем в истории борьбы между Ассирией и Вавилонией. Однажды царь Ассирии, завоевав Вавилонию, поставил ее правителем своего младшего брата. Последний, свергнутый вавилонскими сепаратистами, готовыми восстановить собственную независимость, стал во главе новых восставших.

Вавилоняне и особенно ассирийцы, стремясь предупредить восстания покоренных ими народов, часто использовали эффективные, но жестокие средства. Для этого помимо частичного истребления побежденных они прибегали к массовому выселению их в местности, достаточно удаленные от родины. Так произошло с десятью племенами Северного царства Израиль, которые в конце VIII в. до Рождества Христова были переселены ассирийцами по ту сторону Евфрата, а примерно век спустя два оставшихся племени гада и вениамин были перемещены вавилонянами в Вавилон.

Естественно, в больших империях Востока не было политических институтов, свойственных племени и городу.

Государство было слишком обширным, чтобы могло действовать собрание всех граждан, то же относится и к совету именитых людей, с которым царь мог бы консультироваться, что, конечно, не исключало влияния тех, кто занимал высокие должности, придворных, могущественных семейств. Поэтому номинально и когда это касалось индивидов, до известной степени действительно просвещенных и энергичных, власть суверена была, как сказали бы сегодня, абсолютной.

Эта власть имела религиозные основания, потому что она интерпретировала волю национального бога, под чьим особым покровительством находился руководимый им народ. Верховными богами были Аммон в Египте, Мардук или Шамах в Вавилонии, Ашур в Ниневии — столице Ассирии. Частые дворцовые заговоры и интриги гарема приводили к быстрой деградации царских фамилий и господствующих классов, терявших былую мощь. Добавим, что нередкими были убийства суверенов, и случалось, что к моменту наследования истреблялись многочисленные братья наследника трона.

Благодаря величию империй Востока в них происходили дифференциация, политическое расслоение между различными классами и формировались господствующие классы, состоявшие, как правило, из военных предводителей и священнослужителей национального бога. Последние часто являлись также и юристами, банкирами, носителями тех знаний, которые создавали научное наследие своей эпохи, но, как мы уже подчеркивали, это требовало веры в незыблемость политической организации и социальных условий народов Востока. Итак, мы находим, что наиболее важные должности не всегда, но часто, были наследственными. Посмертные надписи, повествующие о карьере усопшего, как в Египте, так и в Вавилонии, дают нам примеры людей, родившихся в низших слоях общества и сумевших подняться в слой верхние. Разумеется, такое могло происходить по преимуществу в беспокойные времена, обусловленные или внутренними катаклизмами или длительными войнами с иноземцами, и представляет исключение из правила. Характерен в этом отношении эпизод, приведенный греком Ксенофонтом. Это ответ Ариейя, предводителя персидского войска, участвовавшего в военной кампании вместе с десяти тысячным отрядом греков. В связи с гибелью Кира Младшего¹ командиры греческих вспомогательных полков предложили

¹ Кир Младший — сын Дария, брат Артаксеркса II, наместник (сатрап) в Лидии, Фригии и Каппадонии. Со своим войском пошел против брата, чтобы завладеть тронem, и погиб в битве при Кунаксе в 401 г. до н.э. Ксенофонт в «Анабасисе» описывает эти события как очевидец. — *Прим. ред.*

Ариейю выставить свою кандидатуру на персидский трон, но тот ответил, что недостаточно знатен и поэтому персидские вельможи никогда не признают его царем. Кроме того, как повествует Геродот, после убийства самозванца Смердиса, узурпировавшего трон, прикинувшись сыном Кира II Великого¹, лишь семь главных вельмож решали, кто из них должен быть персидским царем.

Персидская империя, о которой нам оставили множество сведений греки классической эпохи, имевшие с ней обширные контакты как военные, так и мирные, была первой в истории мировой державой, которой удалось объединить все страны со значительной цивилизацией, простиравшейся от Эгейского моря до границ с Индией, включая Египет. Персидская империя являлась, таким образом, результатом насильственного слияния древних царств Вавилонии, Лидии, Египта и Мидии под мидийско-персидской гегемонией.

Дело, задуманное и доведенное до весомого результата Киrom II Великим, правление которого началось в 558 г. до н.э., было завершено Дарием, сыном Гистаспа, умершего в 485 г. до н.э. Ассирия уже пыталась подчинить другие государства в юго-востоке Азии и Египет, но, обессиленная вторжением северных варваров, пала под совместными ударами Мидии и Вавилонии.

В Персидской империи многие провинции, отличавшиеся языком и культурой, управлялись наместниками (сатрапами), избиравшимися среди персидского нобилитета и имевшими широкую свободу действий. Некоторые провинции, платившие дань, сохраняли, как это имело место в Армении и Киликии, местные династии. Кроме того, горные племена в центре империи, например кардукки, о которых упоминал Ксенофонт, почти полностью вышли из-под власти великого царя. В целом можно утверждать, что персидская гегемония была более предпочтительной, чем кровопролитные войны между

¹ Кир II Великий (Старший) — царствовал с 558 по 529 г. до н.э. Основал Персидскую державу, захватил Лидию, Ливию и Вавилонию. Жизнь Кира II описал Геродот в романе «Воспитание Кира» («Киропедия»). Ксенофонт представил его идеалом правителя. — *Прим. ред.*

различными народами на юго-западе Азии, которым положил конец почти двухвековой период относительного мира.

По типу древних империй Востока в VII в. н.э. установилась арабо-мусульманская империя. Последняя частично имитировала организацию и институты Византийской империи, но в большей мере скопировала Новоперсидское царство Сасанидов¹, разрушенное арабами. Разумеется, ислам как религия отличался от древних национальных религий, поскольку Аллах был и остается универсальным богом. В мусульманском государстве членами политического консорциума считались только те, кто верил, что Аллах открылся Мухаммаду и тот передал его откровения в Коране, книге священной и в то же время религиозном, политическом и гражданском кодексе. Последователей других культов терпели, к ним относились толерантно, но облагали специальным налогом и не допускали к военной службе и занятию публичных должностей. Поэтому государственная организация имела религиозное основание, где не было отделения церкви от государства и теократии, поскольку в мусульманском обществе не было и нет клерикала, отделенного от мирянина. Глава государства, или халиф, викарий Пророка является руководителем верующих (*амир аль мум`инин*). Он должен управлять в соответствии с нормами, предписанными Кораном. Первая четверка халифов была избрана наиболее авторитетными мусульманами, в последующем должность превратилась в наследуемую членами одной и той же семьи. Теоретически только один халиф должен был управлять всеми мусульманами, но вскоре возникли расколы среди верующих, и появились различные халифаты. Потом мусульманское государство, более или менее точно скопированное с древневосточного государства, было организовано или дезорганизовано таким образом, что наместник отдаленной провинции имел возможность стать независимым. Вскоре многие местные суверены фактически превратились в независимых, хотя формально и оказывали честь халифу,

¹ Сасаниды — иранская династия, правившая Новоперсидским царством с 227 г. н.э. до 636—642 гг. н.э. (вторжение арабов). — *Прим. ред.*

указывая его имя на монетах или давая указания поминать его в публичных молитвах в пятницу. Впоследствии во многих странах даже эти формальные почести перестали оказываться, и местный суверен действовал за халифа.

4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

В древних цивилизациях Востока не сложилось подлинно политических доктрин. Огромные азиатские империи и Египет не допускали в качестве возможной иную форму правления, кроме суверенного абсолютизма, осуществляемого во имя бога, защитника нации. Концепция политической свободы, как понимаем ее мы, европейцы, и как она была передана нам греко-римской цивилизацией, была неизвестна восточным народам. Они считали себя свободными, если не были покорены народом другой расы и особенно другой религии. Пример находим в Ветхом Завете: евреи посчитали себя попавшими в рабство, когда были покорены мадианитянами, а затем филистимлянами.

Но если от цивилизаций Востока не осталось ничего, кроме разрозненных фрагментов политических доктрин, там отнюдь не доставало более или менее плодотворных попыток создать политическое искусство, т.е. кодифицировать те нормы, которые могли бы послужить руководством для прихода к власти и ее удержания.

Действительно, в Древнем Египте мы имеем относящееся примерно к 2500 г. до н.э. поучения по искусству управления, которые гераклеопольский царь Мерикара оставил своему сыну, и «поучение» фараона Аменемхета I, основателя XII династии, написанное также для своего сына около 2200 г. до н.э. Более оптимистической предстает первое из них, менее — второе¹.

¹ Кажется, что обе указанные работы принадлежат перу более поздних авторов, которые для придания большего авторитета своим текстам атрибутировали их как произведения Мерикара и Аменемхета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru